

Версальско-Вашингтонская система международных отношений как попытка создания бесконфликтного миропорядка

Аннотация: В статье раскрываются ключевые особенности Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, формирование которой следует рассматривать как эпохальную попытку конструирования глобального миропорядка на универсальных юридических принципах, которые сочетали бы право народов на самоопределение и невмешательство других государств в этот процесс. Несмотря на то, что проблема реформатирования международных отношений после окончания Первой мировой войны на Парижской и Вашингтонской конференциях привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных историков, она сохраняет актуальность, оставаясь в центре внимания специалистов и широкой общественности. Неслучайно поэтому автор статьи рассматривает заявленную тему с использованием компаративного метода, опираясь на характеристики двух упомянутых форумов, а также предшествовавших систем международных отношений.

Ключевые слова: Первая мировая война, международные отношения, Версальско-Вашингтонская система, Парижская и Вашингтонская мирные конференции

УДК 94 (481) 081

Abstract: The article reveals the key features of the Versailles-Washington system of international relations, the formation of which should be considered as a landmark attempt to construct a global world order on universal legal principles, combining the right of peoples to self-determination and the non-interference of other states in that process. Although the problem of reformatting international relations at the Paris and Washington conferences after the end of the First World War attracted the attention of both domestic and foreign historians, it remains relevant in the focus of the discussions of specialists and general public. It is no coincidence therefore that the author of the paper examines the subject using a comparative method, relying on the features of the preceded systems of international relations.

Key words: First World War, international relations, Versailles-Washington system, Paris and Washington Peace Conferences

* *Сергеев Евгений Юрьевич* – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор истории международных отношений Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: eugene.sergeev59@gmail.com)

Неоспоримо утверждение, что международные отношения играют значительную роль в истории современной цивилизации. Оставаясь по своей сути преимущественно политическими, они также представляют собой систему долговременных экономических и культурных связей между социальными общностями, заключенными в государственные, либо надгосударственные (интеграционные) рамки¹. Следует отметить, что интересы этих общностей отражаются в деятельности международных организаций различного уровня, которые наряду с государствами и их объединениями приобретают тем самым способность выступать акторами как региональной политики, так и мировой политики.

Хорошо известно, что так называемая Версальско-Вашингтонская система аналогично Вестфальской (1648-1789) и Венской (1815-1914) возникла в результате длительных широкомасштабных военных действий. Однако в отличие от своих предшественников она явилась первой, по-настоящему глобальной системой, юридические основы которой, заложенные в результате целой серии международных конференций 1919-1922 гг., рассматривались их участниками как обязательные для исполнения всеми участниками.

Прежде всего, укажем, что в объемистой историографии становления Версальско-Вашингтонской системы, насчитывающей сотни публикаций, не утихает дискуссия по двум ключевым проблемам: оценки точных хронологических рамок окончания мировой войны 1914–1918 гг. и определения базовых юридических скреп нового миропорядка.

Относительно первой проблемы наиболее показательна точка зрения профессора Дублинского университета Дж. Хорна, который расширил темпоральный горизонт мировой войны до 1911–1923 гг., назвав ее «Большой войной» (Greater War)². Думается, однако, что предложенная ревизия устоявшейся периодизации не вносит ясности в характеристику этапов глобальной политической катастрофы, ставшей прологом всего XX в., а лишь затрудняет ее восприятие как целостного исторического феномена. На наш взгляд, более продуктивной в этом смысле является концепция «Второй Тридцатилетней войны 1914–1945 гг.», которая в последнее время разрабатывается целым рядом зарубежных и отечественных историков³, поскольку она позволяет рассматривать три наиболее бурных десятилетия прошедшего столетия как единый период мировых войн, а также наиболее масштабных революционных и социальных движений новейшего времени.

Что касается второй проблемы, то аргументация некоторых историков, стремящихся подкрепить международно-правовую основу Версальско-Вашингтонского миропорядка юридическими актами,

¹ О системности международных отношений см. подр.: Основы общей теории международных отношений / Под ред. А.С. Манькин. М., 2009. С. 39–77.

² Horne J. When Did the Great War End? – In: Surveying a Time Threshold. The Meaning of 1918 in European and Global Perspective. Abstracts of the International Conference on the Centennial Anniversary of the End of the First World War. Wien, 2018. P. 1.

³ См., напр.: Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). Пер. с англ. М., 2004; Artico D., Mantelli B. (eds) From Versailles to Munich. Twenty Years of Forgotten Wars. Wroclaw, 2010; Сергеев Е.Ю. Версальско-Вашингтонская система международных отношений. – В кн.: Всемирная история. М., 2017. Т. 6. Кн. 1. С. 309–346, и др.

подписанными на советско-польской конференции в Риге (1920–1921 гг.), либо на многостороннем форуме в Лозанне (1922–1923 гг.), также выглядит недостаточно убедительной⁴. По мнению автора статьи, подобное расширительное толкование может увести исследователя, как говорят математики, в «дурную бесконечность», подменяя такие действительно основополагающие трактаты, как Версальский мирный договор относительно Центральной Европы или Вашингтонское соглашение четырех держав касательно Азиатско-Тихоокеанского региона серией хотя и значимых, но все же более узких по тематике и географическому охвату договоров, заключенных участниками не только упомянутых выше, но еще более чем двух десятков международных встреч, которые состоялись с 1919 по 1923 гг.⁵

Для нас представляется очевидным, что важнейшей характерной чертой миропорядка, сложившегося после Великой войны, явилась попытка сочетания ценностей демократии, принципов коллективной безопасности и права стран отстаивать свои международные интересы, а наций – добиваться государственного суверенитета. Именно неудача этой попытки, по мнению практически всех специалистов, обуславливалась кардинальным противоречием всего нового миропорядка, сама невозможность устранения которого компромиссным путем явилась долговременной глубинной причиной возникновения Второй мировой войны.

В историографии традиционно считается, что основные положения послевоенного урегулирования были озвучены американским президентом В. Вильсоном перед членами обеих палат Конгресса 8 января 1918 г. Однако далеко не все специалисты обратили внимание на то обстоятельство, что за три дня до этой судьбоносной речи, а именно 5 января 1918 г. премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж своим выступлением на конгрессе тред-юнионов в Лондоне предвосхитил большинство тезисов В. Вильсона о свободе морей, справедливой конкуренции в мировой торговле, урегулировании территориальных споров путем арбитража и т.д. Другое дело, что именно президент США, как отмечали многие историки, придал этим положениям «звучание особой моральной силы»⁶.

В этой связи не следует забывать, что как выступление британского премьер-министра, так и американская «Программа мира» из 14 пунктов отражали реакцию властных элит Антанты на Декрет

⁴ См., напр.: Волос М. Место и значение Версальско-Вашингтонской (Версальско-Рижско-Вашингтонской) системы в международных отношениях XIX–XXI вв. – В кн.: Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. / отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М., 2011. С. 8–16.

⁵ Историография обеих ключевых конференций – Парижской и Вашингтонской настолько обширна, что автор статьи не видит смысла в перечне даже основополагающих трудов по их истории. Достаточно указать лишь три фундаментальные работы крупнейших зарубежных историков, которые приводят обширные комментарии соответствующих изданий по этой теме: Marks S. The Ebbing of European Ascendancy. An International History of the World 1914–1945. London, 2002; Steiner Z. The Lights That Failed. European International History 1919–1933. Oxford, 2005; Leonhard J. Der überforderte Frieden. Versailles und die Welt 1918–1923. München, 2018. Из трудов современных российских исследователей, которые упоминают широкий спектр работ по Парижской конференции, привлекает внимание глава в коллективной монографии преподавателей МГУ, принадлежащая перу видного англоведа, а также статья известного отечественного специалиста в области истории международных отношений, см.: Романова Е.В. Становление новой модели международных отношений. – В кн.: Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / отв. ред. Л.С. Белоусов, А.С. Маныкин. М., 2014. С. 445–496; Хормач И.А. Россия и Парижская мирная конференция // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 84–112.

⁶ Sharp A. The Versailles Settlement. Peacemaking in Paris, 1919. Basingstoke – London, 1991. P. 13.

о мире, принятый 8 ноября 1917 г. Вторым Всероссийским съездом Советов. Как известно, утопические в своей основе, но привлекательные с точки зрения демагогических обещаний народам мира предложения большевиков вызвали неоднозначную реакцию общественности европейских государств. В этой сложной обстановке лидерам Тройственного соглашения и поддерживавших их США требовалось сформулировать такие условия прекращения войны и установления в будущем бесконфликтного мира, которые бы могли получить действительное воплощение в практике международной дипломатии. По сути, весь 1918 год прошел в поисках Лондоном, Парижем и Вашингтоном этих условий. Неслучайно на межсоюзнических конференциях завершающего года войны, а также в публичных выступлениях Вильсона 11 февраля, 4 июля и 27 сентября 1918 г. принципы создания нового миропорядка неоднократно подвергались корректировке и уточнению⁷.

При сравнении Венского конгресса 1814-1815 гг. и международных конференций начала 1920-х гг. вплоть до Генуэзской, вполне уместном с точки зрения масштабности проблем, требовавших поиска коллективного решения, бросаются в глаза три заметных отличия: во-первых, отсутствие среди участников представителей побежденных держав и России; во-вторых, активное вовлечение американской делегации в работу Парижского и Вашингтонского форумов; наконец, значительное расширение повестки дня за счет учреждения специализированных комитетов, занимавшихся конкретными вопросами. Если в Вене их было лишь 8, то в Париже – 58⁸, при том, что конференция на берегах Потомака стала логическим продолжением, а в известной мере и развитием переговорного процесса в пригородах французской столицы⁹.

Комментируя особенности проведения дипломатических консультаций в административных центрах двух держав-победителей – Франции и США, стоит указать, что любая попытка формирования бесконфликтного миропорядка без участия самой большой по территории и одной из наиболее крупных по населению мировых держав, каковой оставалась Советская Россия, не могла не окончиться фиаско. Однако тот хаос, который царил на территории бывшей царской империи, а также стремление поставить любое российское правительство, которое одержало бы победу в кровавой внутренней междоусобной борьбе, перед свершившимся фактом, заставив его принять на себя обязательств как участника новой международно-правовой системы, видимо, являлись главными причинами игнорирования мнения Москвы творцами договоров в Париже и Вашингтоне¹⁰ (хотя делегация Дальневосточной Республики (ДВР) все же присутствовала на форуме, организованном американцами, в качестве наблюдателя). Очевидно, что

⁷ См. подр.: Сергеев Е.Ю. Версальско-Вашингтонская система международных отношений. С. 311–313.

⁸ Nicolson H. Peacemaking 1919. London, 1933. P. 124.

⁹ См. подр: Goldstein E., Maurer J. (eds) The Washington Conference, 1921–1922: Naval Rivalry, East-Asian Stability and the Road to Pearl Harbor. London, 1994.

¹⁰ О планах Антанты, и прежде всего Великобритании, в отношении Советской России в связи с проведением Парижской мирной конференции см.: Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019. С. 193–258.

соображения примерно аналогичного характера предопределяли дипломатическую изоляцию Германии и ее бывших сателлитов по Четверному альянсу на конференциях первых послевоенных лет.

Рассматривая следующий важнейший фактор создания нового миропорядка – активное участие политиков США в этом процессе, необходимо принять во внимание, что победоносное для Антанты окончание мировой войны перевело вопрос о трансформации стратегического партнерства Лондона и Токио на основе англо-японского союза в новую плоскость. Временное устранение России как противовеса Стране восходящего солнца на северо-востоке Азии, серьезная критика политики Японии со стороны британских доминионов, прежде всего, Канады, и фактический распад Китая на отдельные провинции под управлением милитаристских клик предопределили неизбежность участия Вашингтона в определении контуров Азиатско-Тихоокеанской подсистемы международных отношений.

Именно на берегах Потомака администрация США рассчитывала взять дипломатический реванш за прохладный прием, оказанный европейцами внешнеполитическим инициативам американцев, претендовавшим хотя бы на моральное лидерство, в ходе Парижской и некоторых других многосторонних встреч в Старом Свете. Кроме того, вопросы, обсуждавшиеся участниками Вашингтонской конференции, в отличие от европейских проблем, самым непосредственным образом затрагивали интересы Соединенных Штатов. Место изоляционизма, проявившегося в отказе Конгресса ратифицировать Версальский и другие послевоенные договоры, должен был занять здоровый прагматизм в духе реальной политики на Дальнем Востоке. По справедливому замечанию российского историка, для Америки Вашингтонская конференция «стала фактически первым серьезным испытанием в деле реализации новой внешнеполитической стратегии, которая была принята республиканцами в качестве альтернативы вильсонизму»¹¹. Свою роль в процессе возрастания дипломатической активности США сыграла и победа на выборах 1920 г. президента-республиканца У. Гардинга, который в отличие от демократа Вильсона рассматривал именно Восточную Азию как перспективную зону американских интересов, сталкивавшихся на берегах Тихого океана с растущими «аппетитами» японцев. Как известно, общая неопределенность послевоенной ситуации в этом обширном регионе осложнялась гонкой морских вооружений ведущих держав.

Таким образом, главными пунктами повестки дня Вашингтонской конференции стали, во-первых, утверждение территориальных изменений в бассейне Тихого океана и определение статуса бывших германских островных территорий, во-вторых, ограничения морских вооружений, и, в-третьих, обсуждение ситуации в Китае, представители которого в 1919 г. отказались подписать Версальский договор в связи с передачей Японии области Цзяочжоу на Шаньдунском полуострове, ранее находившейся под контролем Германской империи.

¹¹ Романов В.В. Вашингтонская конференция в контексте внешнеполитической традиции вильсонизма: оценки экспертного сообщества США. – В кн.: Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис. С. 254.

Несмотря на то, что этот форум проходил вдали от Европы, среди 14 стран-участниц, как уже отмечалось, вновь не оказалось двух заинтересованных держав – Советской России и Германии, от приглашения которых предпочли воздержаться его организаторы. Примечательно, что Китай был представлен пекинским правительством, формально отстаивавшим национальные интересы, хотя альтернативный демократический режим Сунь Ятсена, который контролировал южные провинции бывшей Цинской империи, также не получил признания держав.

С точки зрения перспективы создания бесконфликтно мира, важнейшее значение имела замена в 1921 г. двукратно продлевавшегося союза Британской и Японской империй комплексом многосторонних взаимных гарантий по статьям договора четырех держав, который расценивался наблюдателями как успех прежде всего американской дипломатии, сумевшей укрепить престиж Соединенных Штатов в роли одного из гегемонов тихоокеанского бассейна. Однако для нас здесь важнее констатировать, что наиболее обширный по территории регион планеты получил систему коллективной безопасности. Невзирая на очевидные слабости, ее следует рассматривать как первую в истории цивилизации попытку исключить вооруженные конфликты из практики международных отношений¹². Отметим попутно несогласие автора с некоторыми зарубежными исследователями, полагавшими, что «сердцевиной вашингтонских соглашений» явился договор об ограничении морских вооружений, подписанный Великобританией, США, Японией, Францией и Италией по известной формуле 5:5:3:1,75:1,75, правда лишь в отношении линкоров и авианосцев¹³.

Наконец, обращая внимание на вклад многочисленных консультативных экспертных органов в территориальное разграничение как на Европейском субконтиненте, так и в бассейне Тихого океана, можно предположить, что недолговечность и противоречивость Версальско-Вашингтонского миропорядка находились в прямой зависимости от того, насколько политические лидеры и представлявшие ими властные элиты стран-победителей учитывали рекомендации специалистов: историков, этнографов, экономистов. Хорошо известно, что, к сожалению, большая часть их оценок оказалась невостребованная в ходе кулуарных обсуждений международных проблем, которые проводили руководители делегаций и главы внешнеполитических ведомств. К основным причинам возникновения этой коллизии необходимо отнести масштабность, сложность и беспрецедентность решаемых проблем, а также личное соперничество крупнейших политиков – Д. Ллойд Джорджа, Ж. Клемансо и В. Вильсона, амбициозность которых, по свидетельству современников, зачастую препятствовала нахождению решений многих вопросов в долгосрочной перспективе. Указанное обстоятельство вкупе с конкуренцией различных ведомственных подходов, которая наблюдалась среди

¹² См. подпр.: Системная история международных отношений / отв. ред. А.Д. Богатуров. М., 2000. Т. 1. С. 143–148.

¹³ Marks S. The Ebbing of European Ascendancy. P. 219–220.

членов правительственных делегаций, предопределили компромиссность ряда ключевых формулировок, оставлявших простор для порой взаимоисключающих толкований.

Кроме того, анализируя решения Парижской и Вашингтонской конференций, следует обратить внимание на спорные, трудно решаемые проблемы, которые выносились за скобки переговоров в стремлении их участников успешно завершить дискуссии, вернувшись к поиску развязок этих узловых вопросов позднее, при более благоприятных условиях. К таковым сложным проблемам относились вопросы территориального переустройства в Европе, определения суммы и схемы выплаты репараций, урегулирования ситуации вокруг России на Парижской конференции. То же происходило и в Вашингтоне, скажем, в процессе согласования уровня сокращения морских вооружений, когда большинство их видов было вынесено за рамки текущей дискуссии, или определении рамок режима «открытых дверей» в Китае.

Существенной характерной чертой переговорного процесса во французской и американской столицах явилось и то обстоятельство, что официальные постановления обеих мирных конференций фактически сводились к согласованным решениям не 27 или 14 стран-участников (соответственно в Париже и Вашингтоне), а к договоренностям лидеров великих держав за спиной не только широкой общественности, но и членов их делегаций, за исключением немногих личных советников, вроде Э. Хауза, сопровождавшего американского президента, или Ф. Керра, возглавлявшего личный секретариат британского премьера. По мнению автора, указанное противоречие между традиционной кабинетной и новой публичной дипломатией характеризовало весь период между мировыми войнами, оказывая заметное влияние на способность властных элит добиваться соблюдения бесконфликтного миропорядка как великими, так и малыми державами.

В этой связи, конечно же, необходимо помнить, что кроме хорошо известных статей Версальского, Сен-Жерменского, Нейиского, Трианонского и Севрского договоров (последний из них, как известно, не вступил в действие, будучи замененным Лозаннской конвенцией 1923 г.), а также трех вашингтонских соглашений, которые в 1919-1922 гг. фактически составили базу послевоенного территориального устройства всего Евразийского континента, наиболее важное значение имело стремление творцов этого устройства конституировать Лигу Наций – глобальную структуру, призванную координировать действия государств на арене мировой политики¹⁴. В процессе его осуществления все остальные вопросы, даже такие важные, как определение послевоенного статуса Германии, утверждение на политической карте новых суверенных государств, ввести в действие мандатной системы, поиске средства реинтеграции России в создаваемый миропорядок или

¹⁴ См. подр.: Ходнев А.С. Международная организация в ожидании приговора: Лига Наций в мировой политике, 1919–1946. Ярославль, 1995.

установление границ соперничества держав в Китае, имели второстепенный характер, исходя из ключевой задачи формирования бесконфликтного устройства послевоенного мира.

Специалисты имеют все основания рассматривать Устав Лиги Наций, принятый участниками Парижской конференции и вошедший в эталонный Версальский мирный договор, как наиболее яркое проявление намерений создателей нового миропорядка обеспечить его бесконфликтное существование. Ведь оно предусматривало формирование институтов, напоминавших мировое правительство со штаб-квартирой в Женеве, Ассамблеей всех членов, а также Советом, который включил представителей пяти великих держав-победителей и четырех регулярно переизбиравшихся делегатов от остальных государств. К числу страховочных механизмов позитивного характера, зафиксированным в Уставе, следовало отнести возможность коллективных военно-политических и экономических санкций против агрессора. Однако размытость последней дефиниции, а также необходимость достижения консенсуса для принятия Лигой Наций решения о санкциях серьезно затрудняли их практическую реализацию. Кроме того, оставался неясным еще один вопрос: как мировому сообществу реагировать на агрессивные действия государства или группы стран, которые не являлись членами Лиги Наций или покинули ряды этой организации. Неслучайно кризис, а в дальнейшем распад Версальско-Вашингтонского миропорядка на протяжении 1930-х гг. сопровождался постепенным ослаблением роли Лиги Наций в международных отношениях.

Далле стоит подчеркнуть, что, как признают практически все исследователи, конституирование послевоенного мира не устранило большинство межгосударственных противоречий, создав целый ряд новых проблем. Это утверждение справедливо не только в отношении большинства стран Европы, но и Азии. Примером сохранявшегося конфликтного потенциала в первом смысле можно считать отношения между Францией и Германией или Японией и США, а во втором – клубок противоречий между странами, образовавшимися на развалинах Австро-Венгерской, Российской и Османской империй. По мнению автора, неизбежные упущения «отцов-основателей» и неискоренимые слабости системы были обусловлены комплексом факторов как объективного, так и субъективного характера.

Помимо отсутствия практического опыта восстановления межгосударственных связей после длительного военного противостояния глобального масштаба, на процесс реконструкции оказывало влияние принципиально различное понимание его участниками целей и задач своей деятельности. Если президент Вильсон стремился исходить из неких универсальных моральных принципов, большинство европейских лидеров исповедовали примат национальных интересов, резонно, со своей стороны, отвергая претензии американского президента на роль нового Мессии. В то же время цели усиливавшейся Японии, стремившейся к конструированию «Азии для азиатов» под своим руководством, явно противоречили внешнеполитическим ориентирам вашингтонской администрации,

курс которой на международной арене испытывал колебания между изоляционизмом и интервенционизмом в течение всего периода между двумя глобальными вооруженными конфликтами.

Отмеченное столкновение концептуально несопоставимых взглядов и амбициозное соперничество политических лидеров ведущих держав в период глобального перехода к индустриальной цивилизации, сопровождавшегося национальными движениями и революционными катаклизмами, которые находили все более широкий отклик в колониальных и зависимых (включая подмандатные территории) странах, обусловили существование глубоко противоречивой, в определенном смысле гибридной Версальско-Вашингтонской системы международных отношений.

При внимательном рассмотрении оказывалось, что ее фундамент составляли международно-правовые акты трех типов: во-первых, традиционные военно-политические союзы (примером служат франко-бельгийский оборонительный пакт 1920 г. или так называемая Малая Антанта – альянс Чехословакии, Румынии и Югославии, созданный при активной поддержке Франции в 1920-1921 гг.); во-вторых, региональные гарантийные соглашения наподобие Вашингтонского договора четырех держав или Рейнского гарантийного пакта 1925 г., сумевшего на короткое время укрепить основы послевоенного миропорядка; и, в-третьих, многосторонние конвенции, которые заключались под эгидой Лиги Наций, такие, как ее Устав, а в 1928 г. – пакт Бриана-Келлога. Перечисленные уровни договоренностей относились к политической сфере, но не следует забывать и об экономических проблемах, решение которых нередко, как в случае с репарациями, тормозило, либо вообще блокировало поиск развязок по другим международным вопросам, как это произошло на Генуэзской и Гаагской конференциях 1922 г.

Именно в этих кардинальных противоречиях заключались неустранимые слабости, имманентно присущие Версальско-Вашингтонской системе, оформившей не длительный мир, а лишь передышку в военно-силовом соперничестве глобальных и региональных игроков, которое обрекло на неудачу попытку установления бесконфликтного миропорядка в первой половине 1920-х гг.

Тем не менее необходимо признать, что при всей своей утопичности и темпоральной ограниченности, вызванными, как уже отмечалось, переходным характером эпохи 1920-х – 1930-х гг., генезис и существование Версальско-Вашингтонского миропорядка, отразившего стремление Человечества к «вечному миру без войн», обогатили опыт сотрудничества как крупных, так и малых стран в решении сложнейших проблем их отношений с учетом мнения широких социальных слоев и общественных движений.

Библиография:

Волос М. Место и значение Версальско-Вашингтонской (Версальско-Рижско-Вашингтонской) системы в международных отношениях XIX–XXI вв. – В кн.: Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. / отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М., 2011. С. 8–16.

Основы общей теории международных отношений / ред. А.С. Маныкин. М., 2009.

Романов В.В. Вашингтонская конференция в контексте внешнеполитической традиции вильсонизма: оценки экспертного сообщества США. – В кн.: Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. / отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М., 2011. С. 254–269.

Романова Е.В. Становление новой модели международных отношений. – В кн.: Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / отв. ред. Л.С. Белоусов, А.С. Маныкин. М., 2014. С. 445–496.

Сергеев Е.Ю. Версальско-Вашингтонская система международных отношений. – В кн.: Всемирная история / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2017. Т. 6. Кн. 1. С. 309–346.

Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019.

Системная история международных отношений / отв. ред. А.Д. Богатуров. М., 2000. Т. 1.

Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). Пер. с англ. М., 2004.

Ходнев А.С. Международная организация в ожидании приговора: Лига Наций в мировой политике, 1919–1946. Ярославль, 1995.

Хормач И.А. Россия и Парижская мирная конференция // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 84–112.

Artico D., Mantelli B. (eds) From Versailles to Munich. Twenty Years of Forgotten Wars. Wroclaw, 2010.

Goldstein E., Maurer J. (eds) The Washington Conference, 1921–1922: Naval Rivalry, East-Asian Stability and the Road to Pearl Harbor. London, 1994.

Horne J. When Did the Great War End? – In: Surveying a Time Threshold. The Meaning of 1918 in European and Global Perspective. Abstracts of the International Conference on the Centennial Anniversary of the End of the First World War. Wien, 2018. P. 1–2.

Leonhard J. Der überforderte Frieden. Versailles und die Welt 1918–1923. München, 2018.

Marks S. The Ebbing of European Ascendancy. An International History of the World 1914–1945. London, 2002.

Nicolson H. Peacemaking 1919. London, 1933.

Sharp A. The Versailles Settlement. Peacemaking in Paris, 1919. Basingstoke – London, 1991.

Steiner Z. The Lights That Failed. European International History 1919–1933. Oxford, 2005.

Bibliography:

Artico D., Mantelli B. (eds) From Versailles to Munich. Twenty Years of Forgotten Wars. Wroclaw, 2010.

Bogaturov A.D. (ed.) Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii. Moscow, 2000. Vol. 1.

Goldstein E., Maurer J. (eds) The Washington Conference, 1921–1922: Naval Rivalry, East-Asian Stability and the Road to Pearl Harbor. London, 1994.

Hobsbaum E. The Age of Extremes: The Short Twentieth Century (1914–1991). Transl. from English. Moscow, 2004.

Horne J. When Did the Great War End? – In: Surveying a Time Threshold. The Meaning of 1918 in European and Global Perspective. Abstracts of the International Conference on the Centennial Anniversary of the End of the First World War. Wien, 2018. P. 1–2.

Khodnev A.S. Mezhdunarodnaya organisatsiya v ozhidanii prigovora: Liga Natsii v mirovoi politike, 1919–1946. Yaroslavl, 1995.

Khormach I.A. Rossiya i Parizhskaya mirnaya konferentsiya // Novaya i noveishaia istoriya. 2018. No. 2. P. 84–112.

Leonhard J. Der überforderte Frieden. Versailles und die Welt 1918–1923. München, 2018.

Manykin A.S. (ed.) Osnovy obshchei teorii mezhdunarodnykh otnoshenii. Moscow, 2009.

Marks S. The Ebbing of European Ascendancy. An International History of the World 1914–1945. London, 2002.

Nicolson H. Peacemaking 1919. London, 1933.

Romanov V.V. Vashingtonskaya konferentsiya v kontekste vneshnepoliticheskoi traditsii vil'sonisma: otsenki ekspertnogo soobstchestva SShA. – In: Sergeev E.Yu. (ed.) Versallsko-Vashingtonskaya mezhdunarodno-pravovaia sistema: vzniknovenie, razvitie, krizis, 1919–1939 gg. Moscow, 2011. P. 254–269.

Romanova Ye. V. Stanovlenie novoi modeli mezhdunarodnykh otnoshenii. – In: Belousov L.S., Manykin A.S. (eds) Pervaia mirovaya voina i sud'by evropeiskoi tsivilisatsii. Moscow, 2014. P. 445–496.

Sergeev E.Yu. Versallsko-Vashingtonskaia sistema mezhdunarodnykh otnoshenii. – In: Chubarian A.O. (ed.) Vsemirnaya istoriya. Moscow, 2017. Vol. 1. Bk. 1. P. 309–346.

Sergeev E.Yu. Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskii otnosheniya, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniyu. St Petersburg, 2019.

Sharp A. The Versailles Settlement. Peacemaking in Paris, 1919. Basingstoke – London, 1991.

Steiner Z. The Lights That Failed. European International History 1919–1933. Oxford, 2005.

Volos M. Mesto i znachenie Versallsko-Vashingtonskoi (Versalsko-Rizhsko-Vashingtonskoi) sistemy v mezhdunarodnykh otnosheniyakh XIX–XXI vv. – In: Sergeev E.Yu. (ed.) Versallsko-Vashingtonskaya mezhdunarodno-pravovaia sistema: vzniknovenie, razvitie, krizis, 1919–1939 gg. Moscow, 2011. P. 9–16.